

УДК 94(571.1).083

ББК 63.3(253.3)

**Естественно-географический образ Алтая
в трудах земских агентов
периода реализации
Столыпинской аграрной реформы ***

К.А. Пожарская

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Natural-Geographical Image of Altai
in the Country Agents' Work during
the Implementation Period
of the Stolypin Agrarian Reform**

K.A. Pozharskaya

Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена выявлению и анализу специфики формирования естественно-географического образа Алтайского округа в трудах представителей земств, созданных в годы реализации Столыпинской аграрной реформы. Автором установлено, что опубликованные работы земских организаций подразделяются на две группы, различные по целевым установкам, характеру представленных сведений и источниковой базе. К первой группе отнесены статистические издания, в которых нашли отражение разнообразные аспекты миграционного движения начала XX столетия. Во вторую группу включены труды, явившие собой результат личных наблюдений над ходом переселений, полученных в поездках на территорию Зауралья. Описательный характер второй группы работ земских специалистов позволил автору осуществить реконструкцию естественно-географического образа алтайского региона. Показано, что целым рядом земских специалистов была осуществлена серьезная научная экспертиза колонизационных возможностей как отдельных районов, так и всего Алтайского округа в целом. При этом естественно-географический образ Алтая конструировался исследователями в русле оценки прежде всего его сельскохозяйственного потенциала. Учеными отмечалась чрезвычайная гетерогенность естественных условий региона, развенчивался обывательский миф об их уникальности. Приложение к территории региона «собственных» требований придавало образу Алтайского округа синтетический характер.

The article is devoted to the identification and analysis of the specifics of the formation of natural-geographical image of the Altai district in the works of the regional representatives during the period of the Stolypin agrarian reform. The author found out that the published works of the regional organizations are divided into two groups varying in target setting, the nature of the information submitted and the source base. The first group includes statistical publications, which reflects the various aspects of the migratory movement of the beginning of the XX century. The second group includes the works, presented as the result of personal observations over the course of migration, obtained in the journey to the Trans-Urals region. The descriptive nature of the second group of works done by regional specialists allowed the author to reconstruct the natural geographical image of the Altai region. The author shows that a number of regional experts carried out serious scientific examination of colonization capacity of individual areas, and the entire Altai district as a whole. This natural-geographic image of Altai was constructed in line with the assessment of its agricultural potential. Scientists note the extreme heterogeneity of the natural conditions of the region, philistine debunks the myth of their uniqueness. The region's "own" requirements gave the image of the Altai region its synthetic character.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации проекта № 15-11-22005а(р).

Ключевые слова: Алтайский округ, естественно-географический образ региона, земские агенты, научная экспертиза, колонизация, Столыпинская аграрная реформа.

Keywords: the Altai district, natural-geographical image, regional (zemsky) agents, scientific expertise, colonization, Stolypin's agrarian reforms.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-26

Начавшееся со второй половины XIX в. движение земледельческого населения на окраины Российской империи к началу XX столетия стало мыслиться правительственными кругами в русле курса по конструированию национально-территориальных основ империи. В наиболее полной мере стратегической цели создания «единой и неделимой» соответствовали регулировавшиеся государством миграции периода Столыпинской аграрной реформы. В частности, сам творец аграрной реформы П.А. Столыпин не скрывал, что переселенческая политика среди прочего должна обуславливаться необходимостью превращения Сибири в «плотную живую кору русского дерева» [1, с. 16] за счет объединения местного (сибирского. — *К.П.*) населения общерусскими интересами, «дабы оно перестало быть механической смесью чуждых друг другу выходцев из Перми, Полтавы, Могилева» [1, с. 96].

Масштаб и характер переселенческого движения начала XX в. актуализировали для государства и общества потребность в осуществлении научных экспертиз (агрономических, статистико-демографических, почвоведческих, гидрографических, климатических и др.) с целью выработки основ колонизационной и управленческой практики в осваиваемых областях. Исследования различных аспектов развития Азиатской России, с одной стороны, позволяли накопить значительный массив фактического материала, так необходимого для формирования в крестьянской среде определенного представления (образа) о колонизируемой территории; а с другой — заключали в себе сведения, ориентировавшие на рациональную организацию переселенческого движения. Иными словами, экспертизы должны были способствовать эффективной хозяйственной интеграции и социокультурной адаптации пришлого элемента в регионе. На рубеже XIX–XX вв. различные по типу и содержанию экспертизы колонизируемых районов были осуществлены представителями научно-творческих кругов, чиновниками различного уровня, сотрудниками земских организаций.

Труды данного рода уже становились объектом пристального внимания ученого сообщества. Специалистов преимущественно интересовала история изучения природы региона (М.М. Силантьева) [2, с. 41–65], оценка состояния его ресурсной базы с точки зрения земледельческой эксплуатации (К.А. Пожарская) [3, с. 48–50], специфика появления и тематическая наполненность научных экспертиз

(А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова) [4, с. 121–146]. Однако отражение в работах экспертов рубежа XIX–XX вв. образов как всей Сибири в целом, так и отдельного региона — Алтайского горного округа (Алтая) еще не становилось предметом специального исследования. В рамках данной статьи предпринимается попытка выявить и реконструировать естественно-географический образ Алтая на основе опубликованных материалов земских агентов, принимавших непосредственное участие в миграционном движении времен Столыпинской аграрной реформы.

Участие земств в реализации переселенческой политики осуществлялось первоначально в формате общественной инициативы: ими формировались ходческие партии из отправлявшихся для поиска и зачисления в Сибири земельных долей крестьян [5, с. 5]. С 1909 г. деятельность таких организаций приобрела больший размах и юридические основания (система организованного хождения была введена в 1909 г. и действовала до марта 1911 г.) [6, с. 2]. Включенность земств в масштабные имперские мероприятия начала XX столетия с самого начала выразилась в сборе и аккумуляции значительного массива информации, затрагивавшей разнообразные аспекты переселенческого дела.

Весьма условно, в силу разнородности содержания, опубликованные земствами материалы подразделяются на две группы. К первой группе относятся статистические издания, отражавшие различные аспекты миграционного движения (сведения о земельной обеспеченности на родине переселенцев, цифровые данные о способах ликвидации имущества, численности мигрантов и т.д.) [7–13]. Вторую группу образуют труды представителей земских организаций, являвшиеся, как правило, результатом личных наблюдений в колонизируемых районах в ходе поездок на территорию Зауралья. Несмотря на схожесть работ данной группы по тематике и описательности изложения, следует признать присущие им различия в характере представленных сведений, детерминированных спецификой целевых установок и предметного поля экспертиз. В частности, целый ряд отчетов отличало стремление к констатации наблюдаемых явлений, фрагментарное внимание к историко-географическим параметрам заселяемой территории [14–16]. Образ региона нашел отражение в них лишь через призму проблемы хозяйственной инкорпорации крестьян. В частности в отчете агентов харьковского земства М.Я. Шенфогеля и А.В. Бабецкого, побывавших в Томской губернии,

указывалось лишь на отдельные физико-географические особенности региона (лесопокрывность, обеспеченность водой и др.) [14, с. 7]. В то же время акцентуация внимания на самих переселяющихся обусловила фиксацию некоторыми авторами представлений крестьян о Сибири в целом: «Большинство населения... рассчитывают найти в Сибири что-то сказочное. В их представлениях почва Сибири обладает неслыханным плодородием, правительственные субсидии — невиданных размеров... это порождает... ложную надежду зажить „по-человечески“, стоит лишь для этого переселиться» [17, с. 20], «... один черниговец непременно желал видеть вблизи своего участка „и Днепр, и Десну“» [16, с. 12]. Одновременно агентами отмечалось, что по сути архетипичные представления крестьян о далекой Сибири играли важную роль до совершения самого акта миграции. Они являли собой побудительную силу к переселению, задерживали выбор территории для обустройства — «авось лучше найдем» [7, с. 46]. Для осевших на участках переселенцев на первый план выходили задачи выживания и устройства на новом месте, шел процесс «примирения с новыми местами» [16, с. 13], в том числе и путем «преобразования» среды обитания в соответствии со своими «ожиданиями» (например, разведение садов и огородов).

Реализация Столыпинской аграрной реформы в Алтайском округе включила регион в орбиту общегосударственных мероприятий, лишив тем самым данную территорию определенной исключительности и обособленности (в рамках Сибири). Интенсивная колонизация неизбежно и настойчиво потребовала разностороннего исследования природной составляющей региона, слабо изученной в сельскохозяйственном отношении. Об этом свидетельствовало, например, отсутствие регулярного метеорологического наблюдения в округе [18, с. 1], наличие у кабинетского руководства примерных и, как показала переселенческая практика, неточных данных о колонизационной емкости Алтайского округа [19, с. 26]. Именно поэтому земские чиновники вынуждены были заниматься изучением территории Алтая, внося значительный вклад в этот процесс.

В центре внимания земских агентов оказались отдельные колонизационные районы в пределах Алтайского округа. Так, агентом полтавской земской организации Т.Г. Вашкевичем был осуществлен естественно-научный анализ территории Кулундинской степи, явившейся одним из ведущих районов заселения выходцев из европейской части империи [20, с. 25]. При создании характеристики степи как колонизационной лакуны Т.Г. Вашкевич активно использовал разработки сибирских ученых-естественников (почвоведческие, статистические, сельскохозяйственные и т.д.), что придало его работе сугубо научное содержание [21, с. 9]. Агентом были обозна-

чены географические границы Кулундинской степи, описаны рельеф, гидрография, климатические условия, почвенные режимы и растительность на всей протяженности степи. Отличительной особенностью исследования Т.Г. Вашкевича явилось четкое увязывание описания естественно-научных параметров среды с конкретными примерами возможностей ее сельскохозяйственной эксплуатации. В его работе Кулунда (точнее ее западная часть, активно проектируемая под переселенческие участки) представлялась как зона, весьма условно пригодная для колонизации. В качестве соответствующих аргументов указывались: маломощность почв, плохая обеспеченность водой (в том числе грунтовой), незначительность осадков, отсутствие сплошного дернового слоя для покосов и доступного леса, а также удаленность переселенческих поселков от крупных населенных пунктов, являвшихся центрами торговли [21, с. 13–15, 17–18]. Нельзя не отметить, что до Т.Г. Вашкевича подобные скептические соображения были высказаны С.И. Залесским, М.И. Струковым, И.П. Выдриным и З.И. Ростовским [3, с. 48–49]. Сконструированный полтавским агентом образ степи значительно выбивался из устоявшегося обывательского представления. Последнее неоднократно отмечалось даже официальными источниками начала XX в. и основывалось на идее «уникальности» сельскохозяйственного потенциала территории Алтайского округа и связанной с этим его «популярности» среди крестьян [22, с. 1; 23, с. 41–42]. В дальнейшем Т.Г. Вашкевич подтвердил свои выводы в докладе «Положение новоселов в Кулундинской степи», осуществив обследование 28 переселенческих участков в неурожайный 1910 г. [24, л. 1–6]. По разъяснению Переселенческого управления, представленному в Государственную думу, бедственное положение переселенцев в Кулундинской степи обусловливалось не «безнадежностью общих сельскохозяйственных условий Кулунды» [24, л. 12], а поздним прибытием мигрантов на участки в исключительно неурожайный год с малым количеством средств. Доклад Т.Г. Вашкевича, получивший широкую общественную огласку [24, л. 11], ярко диссонировал с результатами поездки председателя Совета министров П.А. Столыпина и начальника Главного управления землеустройства и земледелия А.В. Кривошеина в августе — сентябре 1910 г., высоко оценивших развитие переселенческих хозяйств в степи [1, с. 66–67]. В результате обвиненный в тенденциозности, избирательности объектов обследования и ошибочности исследовательской методики агент был отправлен в отставку [24, л. 12, 95–96].

Наряду с описанием отдельных переселенческих районов в границах округа, представителями земств были созданы работы, характеризовавшие природно-климатические условия Алтая в целом [25–27]. В них округ представал не как единое и нерасчлененное ко-

лонизационное пространство, а как территория, довольно четко делимая на зоны, дифференцируемые по физико-географическим параметрам. Анализ земскими специалистами отдельных районов в пределах округа строился через призму их колонизационного, и прежде всего сельскохозяйственного потенциала. Описывая каждую из зон (равнинную, холмистую, гористую), исследователи указывали на различия в количестве выпадавших осадков и их распределении в течение года, почвенных режимах, гидрографии, растительности. При этом описание физических параметров среды в трудах земских экспертов сопровождалось сведениями о специфике земледельческого производства в каждой из зон (продолжительности производственного цикла, распространенных системах земледелия, культивируемых растениях, используемом сельскохозяйственном инвентаре и др.). Ими подчеркивалась крайняя степень лимитированности крестьянского труда в регионе, а также особая сложность прогнозирования здесь климатических условий в сельскохозяйственный цикл и зимний период, что объяснялось резко континентальным климатом Алтая. Минимизировав сугубо научную терминологию, авторы создали конкретно-прикладной и структурированный образ Алтая, прежде всего в сельскохозяйственном отношении, подчеркнув неоднородность рассматриваемой территории в естественно-географическом и производственном отношении.

В то же время труды представителей земских организаций, посвященные характеристике территории Алтайского округа в целом, существенно различались по уровню и целевой направленности. Г. Мамырин, писавший по заданию Южнорусской областной земской переселенческой организации, воссоздал довольно подробный естественно-географический и сельскохозяйственный образ Алтая, придав своей работе справочно-ознакомительную окраску. Работы И.М. Морозова, агронома полтавской земской организации, отличало наличие собственной, в том числе и критической позиции. В частности исследователь активно развенчивал стереотип об алтайском эльдорадо, предостерегая от оценки региона как монолитного в деле его сельскохозяйственной эксплуатации [25, с. 21, 51–53; 26, с. 8]. Подобно Т.Г. Вашкевичу, он отрицательно оценивал ресурсный фонд алтайских степей (Кулундинская степь и ее «подразделения» — Карасукская, Соляная, Коростылевская, Вшивочная степи, Бельгагачская, Ремовская степи) для аграрного производства [25, с. 51–53]. Солонцеватые почвы с незначительным пахотным слоем, сильные ветра, значительные температурные колебания, плохое орошение, короткий вегетационный период и т.д. на фоне слабого развития инфраструктуры — все эти факторы в своей генеральной совокупности, по мнению автора, должны были привести к краху крестьянские хозяйства [25, с. 53]. Оценка И.М. Морозовым возможно-

стей всего алтайского региона с позиций потенциала земледельческой колонизации отличалась рациональностью, стремлением «применить» к местности реальные физико-географические и социально-бытовые требования переселенцев, а также обозначить «болевы точки», отмеченные им на всей протяженности изучаемой локации. При этом физико-географический образ Алтая представлял обособленным от сибирского региона в целом. Более того сравнение отдельных естественных характеристик округа осуществлялось не с другими районами колонизации Зауралья, а прежде всего с губерниями Европейской части империи (в 1908 г. И.М. Морозовым наряду с посещением Алтайского округа была совершена поездка в Акмолинскую и Семипалатинскую области [27, с. 50; 29, л. 1–43 об.]). Уникальность работ агронома заключалась в стремлении осуществить научную экспертизу проекта колонизации региона, основанную на прикладных знаниях и практико-ориентированном опыте ученого.

В целом большая часть трудов, принадлежавших авторству земских специалистов, не содержала в себе аналитических обобщений ввиду продолжающегося процесса по реформированию аграрного сектора региона. В них фиксировались эмпирические данные, формируя информационный срез начала XX в. Естественно-географический образ Сибири в целом и Алтая в частности, созданный представителями земств, должен был лишь выполнить роль фона для масштабных миграций. Отсюда проистекало пристальное внимание к миграционному поведению крестьян при фрагментарной акцентуации на природных характеристиках территории и преимущественном выявлении отдельных хозяйственно-бытовых ее параметров. Подобное описание формировало у читателей весьма усеченный образ региона, базировавшийся на конкретной и конъюнктурной информации. В то же время поездки в Сибирь отдельных земских деятелей различной специализации привели к появлению собственно научных трудов, посвященных в том числе исследованию Алтая. В них Алтайский округ выступал как обширная территория с чрезвычайно разнообразными природно-климатическими условиями, существенно отличающимися (температурная амплитуда, почвы, орошение, растительность и др.) от внутренних губерний страны. Исследователями особо отмечалась крайняя гетерогенность единого в административном отношении географического локуса. Отраженный в трудах земских специалистов образ алтайского региона отличала сложная структура. С одной стороны, он основывался на нарративе и рациональных началах, с другой — был продуктом восприятия представителей иной «естественной среды». По сути дела, сконструированный образ алтайского региона являл собой синтез между увиденным и внесенным, имел прикладной и «полезный» для ми-

грантов характер, что проявилось в стремлении авторов включать в описание тех или иных территорий прежде всего сельскохозяйственные «требования». Важно отметить, что выстроенный некоторыми зем-

скими специалистами образ Алтая развенчивал миф об его особых природных условиях, входил в противоречие с правительственными планами заселения территории.

Библиографический список

1. Записка председателя Совета Министров и Главноуправляющего Землеустройством и Земледелением о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. под общ. ред. М.П. Густинина — Барнаул, 2011.
2. Силантьева М.М. Изучение растительного покрова Алтайского края. — Барнаул, 2013.
3. Пожарская К.А. Исследование природы Алтая в контексте миграционных процессов конца XIX — начала XX в. // Алтай в истории российской государственности. — Барнаул, 2012.
4. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX в. — Омск, 2013.
5. Гинс Г. Переселение и колонизация. — СПб., 1913. — Вып. I.
6. Переселенческое дело в 1908 г. — СПб., 1908.
7. Деятельность черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. — Чернигов, 1909.
8. Отчет орловской губернской земской управы по переселенческому отделу за 1908 г. — Орел, 1909.
9. Деятельность черниговского губернского земства по переселению в 1909 г. — Чернигов, 1910.
10. Деятельность черниговского губернского земства по переселению в 1910 г. — Чернигов, 1911.
11. Ликвидация землевладения у переселяющихся в Сибирь черниговских крестьян и казаков в 1909 г. — Чернигов, 1911.
12. Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1910 г. По данным Челябинской и Сызранской регистраций. — Харьков, 1911.
13. Переселение в Сибирь из восьми губерний, входящих в состав южнорусской областной земской переселенческой организации, за 1906–1912 гг. — Б.м., 1913. — Вып. 1.
14. Отчеты переселенческих агентов Харьковского губернского земства А.Е. Каджая и А.В. Бабецкого по командировке их в места Сибири для сопровождения ходатайских партий весной 1909 г. — Харьков, 1909.
15. Отчеты переселенческих агентов Харьковского губернского земства М.Я. Шенфогеля и А.В. Бабецкого по командировке их в места Сибири для сопровождения ходатайских партий весной 1910 г. — Харьков, 1910.
16. Свечин А.А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела гласного черниговского губернского земского собрания. — СПб., 1910.
17. Скалозубов Н.И. Мысли и наблюдения переселенческих агентов // Сибирские вопросы. — 1910. — № 16.
18. Бажаев В.Г. Очерк климатических условий Томской губернии. — Томск, 1896.
19. М.С. Государево дело на Алтае // Русское богатство. — 1912. — № 1. — Январь.
20. Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам массовых источников). — Барнаул, 2002.
21. Вашкевич Т.Г. Кулундинская равнина как колонизационный фонд // Известия областной земской полтавской организации. — Полтава, 1909. — № 14–15. — 15 апреля.
22. Переселение в Алтайский округ. — Барнаул, 1912.
23. Обзор деятельности округа за пятилетие (1911–1915 гг.). — Барнаул, 1916.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 4. — Д. 747.
25. Морозов И.М. Алтайский округ в колонизационном отношении. — Полтава, 1908.
25. Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. — Харьков, 1908.
27. Мамырин Г. Краткие сведения о Томской губернии. — Полтава, 1912.
28. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 1826.